К происхождению и истории мультипликативных наречий на *-жды**

Один из древнейших текстов на бересте — фрагментированная грамота № 752, датируемая концом XI – первой половиной XII в. и интересная прежде всего своим содержанием (это первое дошедшее до нас русское любовное письмо — обращение брошенной женщины к ее неверному возлюбленному), — отражает, вместе с тем, и ряд интереснейших лингвистических явлений (см. [Зализняк 1995: 229–233; 2004: 249–254]). Среди языковых особенностей грамоты обращает на себя внимание форма *тришьдъ*, употребленная в самом начале первого фрагмента письма после отрезка -ъ *тобѣ*, который обоснованно восстанавливается А. А. Зализняком как <*к*>ъ *тобѣ*. Перед этим текстом, очевидно, должна быть реконструирована какая-то глагольная форма, возможно, <*сълала есмь*>. В контексте <*сълала есмь к*>ъ *тобѣ тришьдъ* последнюю форму трудно трактовать иначе как наречие со значением 'трижды' [Зализняк 1995: 231; 2004: 251]. Сложности, однако, вызывает интерпретация последней буквы (и, соответственно, фонемы) этого наречия. Можно было бы допустить, что ъ является графическим вариантом ъı, т. е. *тришьдъ* — это обычное *тришьды* (ср. *шестишдъ* рядом с *пѧтишды*, *тришды* в УСт к. XII, 251); но в ГрБ № 752 ъı регулярно пишется без каких-либо отклонений (*акы*, *бы* bis, *вытьрьго*, *нынѣ*). А. А. Зализняк предлагает другие решения: первое исходит из адекватности написания произношению, т. е. ъ признается точным обозначением <ъ>; второе решение имеет в виду известный графический эффект — передачу <о> посредством ъ. Хотя этот эффект отмечен в грамоте (*цьтъ̲* и, видимо, *годьнъ̲* bis), приходится констатировать, что мультипликативные наречия на *-шьдо* в древнеславянской письменности не зафиксированы, а взаимодействие мультипликативов с наречиями на *-о* представляется маловероятным прежде всего в силу их семантической и словообразовательной обособленности [1].

---

* Текст публикации основан на статье [Крысько 2002а].

[1] Ср.: «В структурном отношении числовые наречия представлены словообразовательными формантами, не употребляющимися в других семантических категориях наречий» [Чурмаева 1989: 76]. Наречие *колижьдо* 'когда бы (то) ни (было)', встречающееся в памятниках начиная с XI в. (ЕвО 1056–1057; СДРЯ, IV: 238–239), содержит не суффикс *-шьдо*, а суффикс *-жьдо*, выделяемый и в местоимении *къжьдо* (ср. греческие параллели к некоторым формам, приведенным в СДРЯ: ГА XIV_1, 33б — ἑκάστῳ, МПр XIV_2, 91 об. — ὁσοιδήποτε, КР 1284, 134а — ὁτεδήποτε, 289в — ὁσουδήποτε).

Что же касается предположения о вполне корректной передаче <ъ> в *тришьдъ* посредством ъ, то и оно до недавнего времени наталкивалось на отсутствие аналогичных форм в памятниках. Теперь, однако, мы можем подтвердить написание *-шьдъ* сразу двумя примерами, обнаруженными в западнорусском или, может быть, псковском списке Пандект Никона Черногорца первой половины XIV в.: *многашьдъ* ПНЧ XIV_1, 21в (но там же *-ды*) и *тришедъ* 47б (см. [Крысько 2000б: 138]). Правда, для первого написания вновь можно было бы предположить смешение ъı с ъ — однако другие случаи подобной графической замены в этой рукописи нами не отмечены. Второй же пример с несомненностью свидетельствует о том, что в суффиксе наречия присутствовал именно <ъ>, так как только перед слогом с выпавшим слабым редуцированным мог вокализоваться <ь> из предыдущего слога.

Наличие трех надежных примеров на *-шьдъ* (*тришьдъ*, *многашьдъ* и *тришедъ*) позволяет с уверенностью утверждать, что этот тип образования наречий периферийно существовал уже с XI в. рядом с несравненно более распространенным типом на *-шьды*.

Однако список мультипликативов с исходом на *-шьд-* + гласная не ограничивался указанными двумя типами. В КЕ XII, 177 об. зафиксировано наречие *ѥлишьда* 'всякий раз (как)' [СДРЯ, III: 209][2], в УСт к. XII — *тришда* 36 об., 48 об., *тришьда* 188, в другом списке Студийского устава (XII в., РНБ, Соф. 1136, л. 4) — *тришда* [Пентковский 2001: 241], в СбТр XII/XIII, 177 — *инощьда* (вместо *иношьда*) 'в другой раз'[3] (см. [Крысько 1998: 201]), в СбЯ XIII_2 — *·г҃шда* 108 об., 198 об. (но на тех же страницах фигурирует и написание *·г҃шды*). Вариант *-жда*, отражающий дальнейшее фонетическое изменение — озвончение шипящего, неоднократно наблюдается в позднедревнерусских источниках, ср.: *колижд(а)* НЗЧ ок. 1355, 10в; *трiжда* СбСил XIV_2, 106б (список Несторова Сказания о Борисе и Глебе, в СбУ XII/XIII, 19г — *тришьды*); *трижда* СлужСерг к. XIV, 122 об. (на следующей строке — *третицею*; ср. [Срезн., III: 995]); *четырижда* СбСоф XIV–XV, 11в; *три-*

[2] У А. И. Соболевского [1913: 387] — по всей видимости, вследствие опечатки — *влишьда*; эта фиктивная форма повторена Ю. Трыпучко [Trypućko 1947: 27].

[3] Эта форма имеет не очень счастливую историю изучения: в издании Троицкого сборника [Popovski, Thomson, Veder 1988: 177] она разделена на три слова (Ꙗко подобаѥть оубѣгати обоити въ <вм. правильного *обоитивъ*> чл҃вкъ. ѥже горнаго и сладъкаго. ѥдинъ имоуть источьникъ въ бесѣдахъ. бл҃гословать въ лице. *и нощь да* оглаголють), а в [СДРЯ, IV: 161] — на два: *инощь да* (причем *инощь* трактуется как наречие с толкованием «Зд. За глаза; в отсутствии (sic!) кого-л.», как если бы корень слова *око* мог иметь вариант *ощ-*.

жда ПКП 1406, 143г; особенно часто — в ГБ к. XIV: *седмижда* 23б, 84в, 85а, 85в (bis); *ѣжда* 46б, 55а, 85в, 89в, 139г, 190в; *елижда* 71б; *шестижда* 84б (выше — *шестижды*); *колижда* 84в; *дважда* 91в; *многажда* 136а; кроме того, в «Материалах» И. И. Срезневского [Срезн., III: 995] приводится форма *трижда* из Комиссионного списка Новгородской первой летописи (середины XV в.) под 6918 г. (НІЛ, 401, л. 244), а форма *шьстижда* отмечена в Сборнике РГБ, Унд. 1280, л. 206а (ср. [Соболевский 1913: 387; 2006: 375])[4].

Еще одно образование на *-шьд-* также встречается в текстах начиная с раннедревнерусского периода. Речь идет прежде всего о форме *тришьдоу*, четыре раза отмеченной в ЕвА 1092, 95, 98, 99, 103, а также в ЕвЮ 1119–1128, 175г (см. [Mikl.: 1003; Соболевский 1913: 387; 2006: 375[5]; Карский 1913: 475; 1962: 50]); исход на *-оу*, однако, не был лексикализован: в ЕвМст до 1117, 135в представлено наречие *колїшьдоу*, а в ЖАЮ XIV/XV, 53б — *ѥлижду* (ὁσάκις 'всякий раз как')[6].

Наконец, в текстах маркированно церковнославянских, сохраняющих многочисленные особенности южнославянских протографов, изредка наблюдаются образования на *-шьди*, ср.: *седмишьди* ЕвО 1056–1057, 112г; *мъногашьди* 73а, б, 176г; *дъвашьди* Изб 1073, 217в; *многашьди* 179а, 211б, 240г (3 примера vs. 47 с *мъногашьды* и 2 с *многышьды*)[7].

Как мы видим, уже в XI–XII вв. восточнославянские памятники демонстрируют пять типов мультипликативных наречий со вторым эле-

---

[4] У Соболевского сборник датируется XV в., однако он не фигурирует в [Предварительный список 1986] и, следовательно, относится не ранее чем к началу XVI в.

[5] У Востокова [Вост., 2: 232] форма *тришьдоу* приведена со ссылкой на Ио 13.38 по «Ев. XIII в.»; это сокращение в его словаре означает Холмское евангелие к. XIII в. [Вост., 1: 2]. Цитата повторена у Миклошича, с сокращением «ev.-saec. XIII» [Mikl.: 1003], и у Срезневского — «*Ев XIII в. (В.)*» [Срезн., III: 995]. Отсутствие точной адресации, по-видимому, спровоцировало А. И. Соболевского [1913: 387; 2006: 375] на возведение цитаты к Румянцевскому (Симоновскому) евангелию 1270 г. Однако проверка по рукописям, проведенная по нашей просьбе Е. А. Осокиной, не принесла желаемого результата: в ЕвХ к. XIII, 132 и 141 об. представлена форма *тришды*, а на л. 135 об. — *трикраты*; в ЕвСим 1270, 130г и 137а — *трикраты*.

[6] Судя по разночтениям в издании А. М. Молдована (с. 362), в списке 1549 г. РГБ, Тр. 780 представлено написание *елишьтѹ* (!), в ВМЧ, Окт. 1–3, 188 — *еликожду*, в списке 1-й пол. XV в. РГБ, Егор. 162 — *ѥликождоу*, тогда как в ряде списков XV–XVI вв. — *елиждо*.

[7] Формы на *-жди* в КР 1284 (*двожди*, *трижди* 210г; *ѥліжди* 228в) могут восходить как к *-шьди*, так и, вероятнее, к *-шьды*, отражая при этом среднеболгарское или сербское неразличение <и> и <ы>.

ментом *-шьд-* + гласная, а именно *-шьды*, *-шьда*, *-шьдъ*, *-шьдоу* и *-шьди*[8]. Наиболее обычен тип *-шьды*, засвидетельствованный сотнями употреблений начиная с Остромирова евангелия. В первой части наречий, образованных посредством данного суффикса, выступают почти все непроизводные количественные числительные от *дъва* и выше[9] и ряд наречий и прилагательных[10]: *дъвашьды* (Изб 1073, 52г), *дъвошьды* (УСт к. XII, 76), *тришьды* (Изб 1073, 110б), *четыришьды* (Изб 1073, 249б), *пѧтишьды* (ПС к. XI, 50 об.), *шестишьды* (Изб 1073, 64а), *седмишьды* (Изб 1073, 36в) / *семишьды* (УСт к. XII, 270 об.), *осмишьды* (УСт к. XII, 258), *десѧтишьды* (Зл XII, 179а, УСт к. XII, 8 об.)[11], *дъвадесѧтишьды* (Зл XII, 179а: *дъвадесѧтишды*[12]), *сътишьды* (ЕвМст до 1117, 104б), *мъногашьды* (ЕвО 1056–1057, 133в), *мъногышьды* (Изб 1073, 41г), *колишьды* (Изб 1073, 217г), *толишьды* (УСт к. XII, 263 об.), *олишьды* (ПС к. XI, 40 об.), *ѥлишьды* (Изб 1076, 71). Ряд образований на *-шьды* (*-жды*) зафиксирован в позднедревнерусских рукописях: *коликажды* (ГА XIV_1, 77б), *седмьдесѧтижды* (МПр XIV_2, 48 об.; *·з·десѧтіжды* НЗЧ ок. 1355, 10в), *рѣткажды*, *рѣдъкашды* (ПНЧ к. XIV, 181б, 183а–б, см. [Чурмаева 1989: 77]), *селишьды* (исповѣдахсѧ *селижьды* и *селижды* ФСт XIV/XV, 22а — πόσα καὶ πλειστάκις букв. 'сколько раз и очень часто'); отсутствие аналогичных форм в памятниках XI–XII вв. не позволяет нам с уверенностью отнести возникновение этих лексем к древнейшему периоду славянской языковой истории. Еще позднее, в XV в. (судя по данным словарей), в восточнославянской письменности появляются наречия *дванацатижды*[13], *единожды*, *трожды*, *еликыжды*, *толикыжды*,

---

[8] Окказиональными остаются следующие поздние примеры: *многашды* ПНЧ к. XIV, 5г (где *ы* исправлено из *ѣ*), *многаждѣ* 32б, *многажде* [Давидов: 162] (по списку конца XV в.), — в которых *-дѣ/-де*, может быть, объясняется влиянием соответствующего наречного суффикса. Форма *мнѡгиждою* МПр XIV_2, 60 об., подобно *иногдою* [Сл XI–XVII, 6: 238; СДРЯ, IV: 157–158], очевидно, отражает выравнивание наречия на *-жда* по образцу таких застывших форм ТП ед. ч. жен. рода, как *одиною*, *множицею*.

[9] Ср.: «Регулярность образований в древнерусский период нарушается одним исключением: от корня *один* обычно наречие *одиною* (*единою*)» [Чурмаева 1989: 77].

[10] Далее при каждом наречии указывается источник, в котором данное образование впервые зафиксировано.

[11] Наречие *девѧтишьды* в восточнославянском материале не отмечено; ср., однако, ср.-болг. (XV в.) дѣкѧтижди [Mikl.: 158].

[12] В издании [Георгиева 2003: 290] ошибочно *дъıдесѧтишды*.

[13] В [Срезн., I: 656] это образование приведено s. v. **десѧтижды** со ссылкой на *Златостр. сл. 2*, но без датировки. Как любезно установила по нашей просьбе А. Н. Шаламова, оно присутствует (рядом с формой *десѧтижды*) в двух списках Златоструя — РГБ, МДА Фунд. 43, л. 29 об. (1474 г.) и РГБ, МДА 44, л. 12 (XVI в.).

малѣжды, *еликождоу* (см. примеч. 6), в XVI в. — *колькижды*, *еличижды*, *колькожды*, *одинождь*, в XVII в. — *однажды*, *одинажды*, *однѣжды*, *вдругижды*, *нѣсколькижды*, *однижды*, *многожды* (ИЭБ, II, 127), *другожды*, *вдругожды*, *еликожды*, *коликожды*, *толикожды*, *столькожды*, *одножды*, *иножды*, *одныжды* (см. инвентарь лексем в [Indeks: 273; Справ. вып.: 752]). Возводить эти, очевидно вторичные, формы к древнерусскому периоду нет оснований.

В количественном отношении среди анализируемых образований безусловно превалирует отадъективное наречие *мъногашьды* [14]: так, в Картотеке СДРЯ оно иллюстрируется 409 цитатами против 107 с *тришьды*, 47 с *дъвашьды*, 24 с *ѥлишьды*, 17 с *седмишьды*, 15 с *дъвошьды*, четырех соответственно с *четыришьды*, *пѧтишьды*, *десѧтишьды* и *колишьды*, трех с *шестишьды*, двух с *седмьдесѧтишьды* и *селишьды*, одной с *коликашьды*. Преобладает *мъногашьды* и в отдельных памятниках: например, в Изб 1073 оно встречается 47 раз, тогда как все остальные наречия на *-шьды* в совокупности — 13 раз, в Изб 1076 это соотношение составляет 13 : 2, в ПсЧ XI — 15 : 4, в ПС к. XI — 18 : 17, в Зл XII — 19 : 5, в СбВ к. XII — 6 : 2, в СбТр XII/XIII — 18 : 5, в СбУ XII/XIII — 47 : 13 [15].

Лексическое и словообразовательное богатство форм, отмеченных в древнерусских текстах, как оригинальных, так и восходящих к южнославянским протографам, в значительной степени отличает их от памятников старославянского канона, в которых наречия рассматриваемого типа документируются лишь 23 примерами от основ дъва-, три-, мъного-, в том числе только одним — на -шъдъı (так: многашъдъı Сав), 15 — на -шди (Супр: дв҃ашди bis, двашди, многашди 12×), семью — на -ш҃ди (Супр: тришди, многаш҃ди 6×) (см. [Trypućko 1947: 20]) [16]. Здесь, как и в древнерусских источниках, большинство примеров (19) приходится на производные от прилагательного мъногъ (см. [Ibid.: 79]).

Следует упомянуть, кроме того, что в старославянских памятниках семью примерами представлены образования на -щи/-шти (мъногашти Асс, трищи Евх, bis, мн҃огащи Клоц, Сав, Супр, многъıшти Зогр-лл); спо-

[14] Ср. замечание А. И. Соболевского [1913: 388]: «Ударение в *многажды* в русских рукописях XV–XVII вв. обыкновенно на начальном слоге» (см. также [Стенсланд 1990: 183; Ушаков 1982: 188]).

[15] В УСт к. XII, где особое значение придается точным литургическим указаниям, большинство среди форм на *-шьд-* составляют образования с первой частью *три-* (88 : 57).

[16] Во вновь открытых старославянских текстах (Ен, Ват, Син[1]) подобные формы не обнаружены.

радически они наблюдаются также в древнерусских текстах, возводимых к южнославянским источникам (например, в Изб 1073: *седмишти*, *м(ъ)ногашти* 4×, в ПС к. XI: *мьногащи*, в СбТр XII/XIII: *многащи* 8×, в КР 1284: *дващи* saepe, *двощи*, *трищи*, в ГБ к. XIV: *седмищи* 4×), — на фоне незначительного количества соответствующих восточнославянских форм на *-чи* (*тричи* КР 1284, 41б, 48б, 353в).

В каком соотношении находятся все указанные образования и каково их происхождение — над этими вопросами наука бьется уже более ста лет.

Первая — и до сих пор наиболее популярная — гипотеза была выдвинута А. Лескином, который во втором издании своего учебника старославянского языка [Leskien 1886: 95] высказал предположение («wohl» — «может быть») о первичности -шьдъı по отношению к другим формам [17]. Позднее О. Видеман, согласившись с трактовкой -шьдъı в качестве древнейшей формы, интерпретировал ее как ТП мн. ч. существительного *šьdo-* 'Gang' и привел типологические параллели использования слов со значением 'ход' в значении 'раз' [Wiedemann 1906: 219] [18]. Однако синтаксический статус конструкций типа «два ходами» настолько странен, что дальнейшего развития морфологическая интерпретация Видемана не получила. В шестом издании учебника А. Лескина суффикс -шьдъı определен («wahrscheinlich» — «вероятно») как форма ВП мн. ч. существительного **šьdъ* 'ход (раз)' [Leskien 1922: 112]; другие встречающиеся в старославянских памятниках мультипликативные суффиксы (-шти, -шди, -шдѝи) ученый ad hoc объяснял сложными и редкостными фонетическими изменениями исходного форманта [Leskien 1919: 154]. Наиболее привлекательная сторона этой гипотезы — ее семантическая и типологическая обоснованность: действительно, в ряде языков существительные со значением 'раз' образуются от глаголов движения, ср. дат. *gang*, швед. *gång* 'раз', собственно 'ход', и мн. др. (см. [Loewe 1916: 111; Fraenkel 1936: 235; Trypućko 1947: 15]).

При обращении к формальной стороне проблемы ситуация, однако, осложняется [19]. Реконструкция существительного **šьdъ* вызывает су-

---

[17] Более ранняя гипотеза И. Шмидта, исходившего из «древнеболгарского» *dvaždy* < **dva-dh-ja* [Schmidt 1867: 439], представляет теперь главным образом историко-научный интерес.

[18] Ср., впрочем, уже указание Л. Кельнера (в примечании к статье [Stowasser 1888: 137]) на соответствующее англосаксонское и древнееврейское употребление.

[19] Ср.: «Tato domněnka se dá podepřit sémanticky... Nedá se už tak, bohužel, podepřít slovotvorně» («Это предположение можно подтвердить семантически... К сожалению, его не удается так же подтвердить с точки зрения словообразования») [ESSJ, 1: 327].

щественные затруднения с точки зрения праславянского словообразования и морфонологии. Этот аспект подробно разобран в первой и единственной монографии, посвященной возникновению разбираемых нами наречий, — книге Юзефа Трыпучко [Trypućko 1947: 13–19]. Обобщив всю имевшуюся литературу, автор пришел к выводу, что субстантив **šъdъ* в принципе не мог существовать. В самом деле, при глаголе **xoditi*, с которым, очевидно, так или иначе соотносится основа **šьd-*, уже имеется субстантив — **xodъ*. Не вдаваясь сейчас в вопрос о направлении мотивации, т. е. о том, был ли глагол образован от существительного или, напротив, существительное образовано от глагола способом нулевой суффиксации, мы можем в любом случае констатировать, что славянские глагольно-именные пары подобного типа никогда не демонстрируют субстантивную основу на ступени редукции, ср. **brodъ / *broditi*, **-nosъ / *nositi*, **-logъ / *ložiti* и т. д. Более того, как показал Ю. Трыпучко, субстантив **šьdъ*, если бы он и существовал, не мог быть образован от итератива **xoditi*, но лишь от абсолютно точно реконструированного исследователем глагола **xedti*, так же соотносящегося с **xoditi*, как **bredti* — с **broditi* и т. д. Однако и в этом случае вокализм субстантивной основы на ступени редукции немыслим: единственное чередование именной и глагольной основ в подобных парах — это аблаут *e / o*, типа **brodъ / *bredti*, **grobъ / *grebti* и др. Нулевая ступень возможна, но лишь в презентной основе: **vьrgǫ / *vergti*, **čьtǫ / *čisti < *keittei*, **brьdǫ / *bresti < *bredtei*, **-nьzǫ / *-nisti < *-neiztei* (ср. [Koch 1990: 586–587]) и — соответственно — **xьdǫ / *xedti* (ср. [Trypućko 1947: 15]; см. также ниже); в именных дериватах наблюдается аблаут *i / ь*: **-nizь* (в *обнизь*, *пронизь*) / **-nьzǫ*. Следовательно, если бы от глагола **xedti* > **šesti* (наст. вр. **šьdǫ*) было образовано существительное, оно выглядело бы либо как **xodъ* (см. [ESSJ, 1: 327]), либо как **šidь*, и если бы даже форма **xody* в гипотетической конструкции ***tri xody* подверглась редукции (при аллегровом темпе речи либо вследствие ослабления морфологически незначимой части), то «dlaczego rezultatem tego rodzaju redukcji pierwiastkowego *o* miało być właśnie *ь* a nie *ъ*?» («почему результатом такого рода редукции корневого *о* должно было быть именно *ь*, а не *ъ*?») [Trypućko 1947: 18].

Невозможность согласовать концепцию А. Лескина с законами праславянского словообразования вынудила рецензента Трыпучко — Э. Тангля — провозгласить ее принципиальную непогрешимость: «Wenn gesunde grammatische Analyse uns auf ein Wort von ungewohnter Stammabstufung führt, dann haben m. E. die theoretischen Spekulationen

vor der praktischen Beobachtung zu verstummen; ich g l a u b e daher mit Leskien an das Subst. **šьdъ*, auch wenn ich die Stammabstufung nicht verstehe» («Если здравый грамматический анализ приводит нас к слову с необычным количественным чередованием в основе, то тогда, по моему мнению, теоретические спекуляции должны умолкнуть перед практическим наблюдением; таким образом, я в е р ю вместе с Лескином в существительное **šьdъ*, даже если не понимаю чередования в основе») [Tangl 1954: 134] (разрядка наша). Иными словами — credo quamquam absurdum est. Но, может быть, «здравый грамматический анализ», абстрагированный от системно обусловленных словообразовательно-морфонологических соображений, в самом деле может убедить в правомерности лескиновской гипотезы?

Поскольку А. Лескин никогда не излагал свою концепцию подробно, многие типы употребления мультипликативных наречий остались за пределами его построений: если наречия *тришьды* или *четыришьды* действительно могут быть сопоставлены с аккузативными сочетаниями типа *три плоды*, *четыри годы*, то для истолкования форм *мъногашьды*, *седмишьды*, а тем более *тришьдоу* или *иношьда* требуются дополнительные разыскания.

Известно несколько попыток модификации и уточнения лескиновского тезиса. Так, В. Ягич [Jagić 1910: 234], в отличие от А. Лескина, исходил при реконструкции мультипликативов из формы *-шьди*, выставляя en pendant к ней — без звездочки, но и без каких-либо комментариев — форму ед. ч. *шьдь*. А. Вайан считал -шьдн несомненно первоначальной формой[20] [Vaillant 1948: 210; Вайан 1952: 245] и рассматривал ее как pluralis и dualis **i*-основного существительного **šьdь* [Vaillant 1958: 715], а варианты -штн и -шьдъі пытался объяснить влиянием со стороны -кратъі, передававшего форме -шьдн «soit sa finale -ъі, soit sa finale -тъі» («или свое конечное -ъі, или конечное -тъі») [Vaillant 1948: 210; Вайан 1952: 245].

А. И. Соболевский [1913: 387–388; 2006: 375] совместил оба подхода, возведя образования типа *-шьды* к существительному **шьдъ*, а формы на *-шьди* — к **шьдь* и предложив при этом реинтерпретацию и реконструкцию целого ряда форм. Так, по его мнению, *-шьди* представляет собой форму м е с т н о г о п а д е ж а ед. ч. существительного **шьдь*. Ввиду того, однако, что памятники предоставляют лишь единичные примеры «согласования» первой части мультипликативных на-

[20] «La forme primitive est sûrement -шьдн».

речий с подобным локативом (нам известно только *седмишьди* ЕвО 1056–1057, 112г), исследователь был вынужден, исходя из регулярных форм МП типа *пяти*, реконструировать целый ряд наречий типа **пяти-шьди*. Усматривая древний локатив и в первой части наречия *однажды*, он восстановил форму МП **одьна-шьди* и уже из этой формы вывел якобы аналогические образования *мъногашьди*, *коликашьди*, *еликашьди*. Предельная гипотетичность этих реконструкций в свете приведенных выше данных очевидна: наречие *однажды* (не *-жди*!) отмечается лишь с XVII в., а болг. *еднаш*, которое будто бы «указывает на древность этого образования» [Соболевский 1913: 388; 2006: 375], не доказывает ничего, кроме возможности параллельных и независимых друг от друга инноваций в отдельных славянских языках, не говоря уже о том, что само существование реликтового локатива **одьна* с учетом местоименного склонения слова *одинъ* в высшей степени сомнительно. Соответственно кажется весьма опрометчивой трактовка широко распространенных уже в древнейших славянских текстах наречий *мъногашьды* и *мъногашьди* как аналогических образований по типу гораздо более поздней, вторичной формы.

Не менее гипотетичны и другие построения А. И. Соболевского, призванные свести к общему знаменателю различные варианты мультипликативного суффикса в восточнославянских рукописях. Правда, интерпретация *-шьда* как «им.-вин. дв.» как будто подкрепляется наличием формы *дважда* в ГБ к. XIV, 91в, однако опровергается ввиду фиксации первых примеров на *-шьда* — причем отнюдь не с основой *дъва-* — в тот период, когда категория дуалиса еще в полной мере сохраняла живое употребление и ни о каком переносе флексии дв. ч. на мн. ч. не могло быть и речи.

Форму *-шьду* Соболевский (впрочем, под вопросом) рассматривал как МП дв. ч.; поскольку, однако, основа *три-*, чаще всего сочетающаяся с этим элементом [21], несовместима ни с дуальной семантикой, ни с локативной формой, ученый был вынужден сконструировать локативные сочетания **двою-шьду* и даже **трою-шьду*, к которым якобы восходят позднейшие *двожды* (в действительности, вероятно, возникшее под влиянием композитов с первой частью *дво-*, см. [СДРЯ, IV: 111–116]) [22]

[21] Мы не говорим уже о наречиях *колишьдоу* и *кєлишьдоу*, не фигурировавших до сих пор в научной литературе.

[22] Однако, вопреки Э. Френкелю [Fraenkel 1936: 235], отнюдь не под влиянием *единожды*, так как форма *единожды* моложе, чем *двожды* (о вторичном характере наречий типа *однажды*, *единожды* см. также [Tangl 1952: 214]).

и *трожды* (несомненно, образовавшееся из *трижды* по аналогии с *двожды*, ср. *троюродный* по типу *двоюродный*; см. [Unbegaun 1935: 451]).

К сожалению, некритичное использование материала позднедревнерусских и среднерусских памятников, а также современных говоров, в целом столь не характерное для А. И. Соболевского, в этом случае привело к нагромождению совершенно неприемлемых и анахроничных построений, игнорирующих обширный материал древних текстов, который не дает никаких оснований для предположений об исконном согласовании первой части мультипликативных наречий с их второй частью в числе и падеже.

Несколько гипотез, призванных объяснить вариативность наречных суффиксов, выдвинул Э. Тангль. Справедливо сомневаясь в фонетической сводимости *-шьди* к *-шьды*, но в то же время избегая морфологического раздвоения исходного существительного на деклинационные варианты, ученый предложил трактовать обе формы как равноправные элементы одной и той же плюральной парадигмы — resp. ИП и ВП [Tangl 1952: 215–216]. При этом он исходил из двух форм, зарегистрированных в [Срезн., III: 1514], — *четырешди* и *четыришьды*. В отрыве от контекста и хронологии данные примеры и в самом деле могут быть расценены как содержащие согласуемые формы числительного и существительного и противопоставленные с точки зрения падежа. Однако рукописи, в которых наблюдаются эти образования, разделены четырьмя веками: *четыришьды* отмечено в Изборнике 1073 г., а *четырешди* — в позднем (XV_2) списке Книг пророческих с толкованиями (РГБ, МДА 19, л. 21 об., толкование к Ам 1.6), хотя и восходящем к списку 1047 г., но очевидно не дающем точного представления о языке протографа[23]. Показательно, что все древнейшие известные нам фиксации анализируемого наречия содержат в первой части форму *четыри-* (Изб 1073, УСт к. XII, 31 об., 34, 37, 76, 76 об., 142, 171 об., 250 об., КР 1284, 193а, 271г, КН 1285–1291, 462в, Шест XIV_2, 180 об.)[24]. Кроме того, образование *четырежди*, столь похожее на ИП мн. ч. муж. рода, употреблено в толкованиях к Книге пророка Амоса рядом с *тришди* — фор-

[23] Ср. там же, выше, *дважди* — с отражением ассимиляции по звонкости. В другом списке Книг 16 пророков — РГБ, Тр. 89 (н. XVI в.), л. 15 — интересующая нас форма представлена в виде *четырижьди* <http://www.stsl.ru/manuscripts/ book. php?manuscript=89>.

[24] Ср. также двухкратную фиксацию *четырижды* в [Давидов: 354] (по русскому списку конца XV в.).

мой, первая часть которой вряд ли может считаться правильным Nom. plur. masc.

Понимая, что основным препятствием на пути признания субстантивного статуса элемента *-шьды / -шьди* остается наречие *мъногашьды* (*-шьди*), начальный элемент которого никоим образом не согласуется в роде с гипотетическим существительным **šьdъ*, и констатируя: «Nicht erklären kann ich auch die Bildung *tъnogašьdi*» («Не могу я объяснить и образование *tъnogašьdi*») [Tangl 1954: 143], Тангль попытался тем не менее сопоставить эту форму с несравненно более редким наречием *мъногышьды*, полностью соответствующим, на его взгляд, лескиновской квалификации рассматриваемых образований как ВП мн. ч.[23] При этом исследователю пришлось интерпретировать *мъногашьди* как форму ИП, в которой номинативом является не только второй элемент, но и первый, якобы отражающий праславянскую (на самом деле засвидетельствованную не ранее XV в.!) флексию Nom. plur. masc. *-а* типа рус. *снегá*, *хлебá*, как будто родственную древнегерманскому окончанию *-ar*. К счастью, ученый сам признал это построение не только более чем рискованным, но и вообще неудавшимся [Tangl 1954: 143–144].

Наконец, Э. Тангль обратил внимание на приведенные у Срезневского [Срезн., III: 995] примеры с «любопытной русской формой» *трижьда* и предложил для ее объяснения сразу три возможности [Tangl 1954: 144–145]. Первая из них — выравнивание по типу *три крата* (см. соответствующие примеры в [SJS, II: 62]) — заслуживает более подробного рассмотрения в общем контексте взаимоотношений между *-шьд-* и *-крат-* (см. ниже). Вторая — перенесение флексии из дв. ч. — уже обсуждалась в связи с аналогичной идеей Соболевского. Третья гипотеза — по собственному определению немецкого лингвиста, «весьма авантюрная» («sehr abenteuerliche») — опиралась на два примера, в которых *трижда* присутствует при описании действий двух лиц (<Борис и Глеб> имше же за сухую ногу и тріжда прекр(с)тивша, цѣлу ю створиста *Нест. Бор. Гл. 35*) либо двух групп людей (<Ляхи и Литва> трижда Нѣмець избиша *Новгородск. I л. 6918 г. (по Арх. сп.)*); по мнению Танг-

[25] А. И. Соболевский [1913: 388; 2006: 375] также считал образование *мъногышьды* «древнейшим», однако ошибочно — вслед за [Срезн., II: 205] — приписал его первую фиксацию Житию Феодосия Печерского: в СбУ XII/XIII эта форма не зарегистрирована ни разу, и в цитируемой Срезневским фразе (л. 59г) фигурирует *многашьды*. В действительности данное наречие встречается на столетие раньше — в Изб 1073, причем два раза (41г, 78г). О происхождении первой части этого образования см. ниже.

ля, в обоих случаях наречие могло обозначать нечто вроде 'вдвоем по три раза'. При всей элегантности этого построения сам автор был вынужден констатировать, что третий пример Срезневского — Доуне(т) на нь трижда. *Служ. Серг. л. 122* (как, добавим, и все прочие известные нам примеры на *-шьда*) — не допускает никакого дуального истолкования. Кроме того, как уже отмечалось, контекст из Сказания о Борисе и Глебе в древнейшем, Успенском, списке этого сочинения содержит отнюдь не форму на *-а*, а более обычное образование *тришьды*; запись Новгородской I летописи под 1410 г. в Академическом и Троицком списках демонстрирует форму *трожды* (НІЛ, 401), а в Новгородской Карамзинской летописи в этом фрагменте фигурирует *трижды* (НКЛ, 97, л. 300); тем самым эксперименты с дуальной семантикой и флексиями приходится всецело отнести на счет писцов Сильвестровского сборника (вт. пол. XIV в.) и Новгородской Комиссионной летописи (сер. XV в.) — что, однако, едва ли совместимо с фактом утраты дв. ч. в эпоху, предшествующую созданию той и другой рукописи.

В сравнительно недавнее время предположение А. И. Соболевского о расщеплении реконструируемого субстантива на два морфологических варианта — **o*-склонения и **i*-склонения — было отчасти реанимировано (без ссылки на Соболевского) в «Этимологическом словаре славянских языков», в статье ***d(ъ)va šьdi/y**, где **šьdi*/**šьdy* расцениваются как формы «вин. п. мн. от имени **šьdь*/**šьdъ*» [ЭССЯ, 5: 187][26]. Умножение сущностей — раздвоение и без того призрачной формы — конечно, позволяет объяснить варьирование конечных гласных в старославянских (но не древнерусских!) памятниках, однако оставляет без ответа фундаментальные вопросы: какой вид синтаксической связи соединяет аккузатив **šьdi*/**šьdy* с наречиями *коли*, *ѥли*, *толи* и почему при сочетании ВП мн. ч. существительного, явно относящегося к мужскому или, может быть (в случае с **šьdь*), к женскому роду, с прилагательным *мъногъ* это прилагательное ставится в форме среднего рода либо даже — ввиду омонимии форм нельзя изначально исключить и такую возможность — РП ед. ч. муж. и сред. рода? С учетом широкой распространенности именно наречия *мъногашьды* появление *-а-* на месте ожидаемого, в соответствии с лескиновской концепцией, но встре-

[26] В предшествующем выпуске словаря [ЭССЯ, 4: 99] содержится статья ***četyre šьdy** — «сочетание числительного **četyre*... и именной формы ограниченного употребления *šьdy* мн. ч.»; заметим, что в сочетании с ИП мн. ч. муж. рода **četyre* субстантивная форма на *-у* могла бы быть либо ИП **ā*-склонения, либо ТП **o*-склонения — однако и то и другое крайне сомнительно.

чающегося крайне редко *-ы-*[27] нельзя объяснить каким-либо влиянием, так как другое использовавшееся уже в ранний период мультипликативное наречие с *-а-* в исходе первой части — *дъвашьды* — было недостаточно употребительно, чтобы столь радикально воздействовать на наиболее частотную из всех рассматриваемых лексем.

С другой стороны, трактовка *-шьды* как субстантивной формы мн. ч. игнорирует именно форму *дъвашьды*, поскольку согласно этой трактовке существительное при *дъва* должно было бы иметь форму дв. ч. Между тем, как уже говорилось, единственный известный нам пример с двумя *а* — *дважда* — фигурирует в тексте конца XIV в., а «незакономерная» форма *дъвашьды* наблюдается уже в XI–XII вв. Снять это противоречие можно было бы путем у т р о е н и я сущности, т. е. предположением о наличии в праязыке еще одного, **и*-основного варианта реконструируемого субстантива, который имел бы в ВП дв. ч. именно форму **šьdy*. Нельзя, однако, не признать, что бессуффиксное отглагольное существительное **и*-склонения (а не, как обычно, **о*-склонения) представляло бы собой нечто совершенно уникальное в славянской словообразовательной системе[28].

В случае с *дъвашьди* проблемы с числовым согласованием не возникает, так как форма *-шьди* вполне возможна и в дв. ч. Однако сосуществование правильного «дуального» *дъвашьди* с инновационным «плюральным» *дъвашьды* в текстах XI в. (дв҆ашди, двашди — Супр, *дъвашьди* — Изб 1073, *дъвашьды* — Изб 1073) заставляет допустить чрезвычайно раннее стирание числовых различий именно в форме **о*-склонения, что не находит подтверждения в других фактах языка этого периода.

Осознание указанных сложностей, по-видимому, обусловило включение в ЭССЯ [20: 229] статьи ***mъnoga šьdi**, в которой морфологическая вариантность второго форманта для праславянского периода уже не отражена, формант *-šьdy* не реконструируется, приведенные со ссылками на старославянские и русско-церковнославянские тексты образования на *-ы* не комментируются, а заглавная форма интерпретируется как «сочетание разных <!> падежных форм ед. и мн. ч. от прилаг.

[27] Как отметил М. Г. Долобко, форма с ъı после г в этом наречии неизвестна древнейшим старославянским текстам и получает некоторое распространение лишь в текстах среднеболгарских [Dolobko 1926: 29–30]; ср., впрочем, многъıшти Зогр-лл 2а 15 [SIS, II: 238].

[28] Еще более сомнительно образование этого **и*-основного существительного из причастия прош. вр. **šьdъ*, подвергшегося субстантивации [Skok, I: 464].

**тъпоgъ*... и именной формы <?> **šьdь*». Излишне говорить о том, что это решение скорее знаменует отказ от решения.

Разумеется, непоследовательность в употреблении тех или иных форм мультипликативных наречий можно было бы приписать весьма раннему, дописьменному взаимодействию исходных мультипликативных конструкций, приводившему к появлению на месте правильного *дъвашьда* аналогического *дъвашьды*, на месте правильного *мъногышьды* — аналогического *мъногашьды*, а вместо ожидаемых (но нигде не засвидетельствованных) **пѧтьшьдъ* или **седмьшьдъ* — совершенно незакономерных *тришьдъ* и *многашьдъ*. Это допущение, однако, не объясняет, почему уже в древнейших памятниках абсолютно преобладают именно инновационные, аналогические (с позиций лескиновской гипотезы) образования, почему аналогия со стороны *дъвашьда* распространялась по преимуществу на первую часть сочетания с основой *мъног-*, а естественное с точки зрения аналогии *многажда* наблюдается только в конце XIV в., наконец, почему аналогическое воздействие *дъвашьда* затронуло именно то наречие, которое семантически наиболее отдалено от *дъвашьда*, — наречие *мъногашьды*, связанное не с малым квантитативом (как известно, унификационные процессы проходили прежде всего в пределах форм малого квантитатива — *два*, *три*, *четыре* [ИГДРЯ II: 204]), а со значением неопределенного м н о ж е с т в а.

Ближайшую аналогию и путь решения проблемы как будто демонстрирует другой тип мультипликативных наречий — образования со вторым элементом *-крат-*, которые уже в древнейших памятниках характеризуются известной свободой в отношении числового и падежного согласования, ср. материал канонических старославянских текстов: дъва кратъı, три крата, седмь кратъı, седмь кратъ, много кратъı, мъногъı кратъı, коль кратъı [SJS, II: 62] — на месте ожидаемых дъва крата, три кратъı / мъногъı кратъı, седмь кратъ / много кратъ; в церковнославянских памятниках картина становится еще более пестрой, ср. два кратъ, три крать, елькратъı, еликрать [Ibid.: 62–63]. Если колебание между дъва кратъı и ожидаемым дъва крата находит объяснение в исконной **и*-основной принадлежности существительного **kortъ* < **k^{w}r̥tu-* [Loewe 1916: 107; Leskien 1922: 77; Campanile 1994: 3–5] и вполне вписывается в еще дописьменный процесс взаимодействия **о-* и **и*-склонений, то присоединение инновационного дв. ч. крата к три, сочетаемость два и три с РП мн. ч. кратъ, а ВП кратъı — с седмь и много с несомненностью свидетельствуют об утрате склонения и превращении существительного в суффикс, различные варианты которого

восходят к разным формам субстантива (см. [Otrębski 1935: 73]). Древность слова **kortъ* наряду с ранней засвидетельствованностью его аффиксоидных форм дают основание возводить отмирание именных категорий у рассматриваемого существительного к праславянской эпохе.

Иначе с наречиями на *-шьды*. Их возраст не идет ни в какое сравнение с образованиями на *-крат-*: поскольку они не имеют общеславянского распространения (совершенно отсутствуют в западнославянском ареале, не представлены в украинском и словенском языках и слабо представлены в белорусском и сербохорватском, см. [Trypućko 1947: 42–57]), правомерно отнести их возникновение к периоду распада праславянского языка. Столь позднее появление анализируемых образований оставляет весьма мало времени для сглаживания падежных и числовых различий, якобы отражаемого уже древнейшими памятниками.

Таким образом, возведение наречий на *-шьды* к сочетаниям количественных имен с существительным **šьdъ* (**šьdь*) сталкивается с едва ли преодолимыми препятствиями морфологического и синтаксического порядка, и «здравый грамматический анализ», так же как ранее анализ словообразовательно-морфонологический, вынуждает отвергнуть эту реконструкцию в той ее части, которая касается восстановления исходной формы суффикса *-шьды*.

Альтернативное истолкование исследуемых наречий почти одновременно с А. Лескином выдвинул А. Брюкнер. Указав — на наш взгляд, совершенно справедливо — на отсутствие генетической связи между формантами *-šti* и «*-žьdy*» и выводя ст.-сл. -щи, как и польск. *-cy*, *-c*, серболуж. *-cy*, вост.-сл. *-чи* (добавим сюда также сербохорв. *-ć*, словен. *-či*, *-č*, см. [Trypućko 1947: 47, 51]), из **-tji* (ср. [Miklosich 1875/1926: 204]), он в то же время безосновательно реконструировал для форм типа *-жды* праформу **-žьdy*, якобы неотделимую от **-žьdo* в къжьдо [Brückner 1914: 23]. Данная реконструкция — даже если отвлечься от семантического фактора, важность которого отметил Ю. Трыпучко [29], — полностью игнорирует не только материал старославянских памятников, но и еще более показательные данные раннедревнерусских источников, отражающих состояние до падения редуцированных: в этих текстах формант *-жьды* не появляется ни разу [30], а первые фиксации *-жды*

[29] «...jaki w ogóle związek może istnieć między liczebnikami mnożnymi a zaimkami uogólniającymi?» («какая вообще может существовать связь между мультипликативными числительными и обобщающими местоимениями?») [Trypućko 1947: 31].

[30] Форма *ѥлижьды* в цитате из Изб 1076, 71 в [СДРЯ, III: 210] — опечатка вместо *ѥлишьды*.

в письменности XIII в. не могут быть интерпретированы иначе как обусловленные озвончением [ш] после падения редуцированных.

Тезисы Брюкнера о различном генезисе двух мультипликативных суффиксов и о возникновении *-жды* из **-žьdy* были (без упоминания предшественника) повторены в работе Я. Отрембского [Otrębski 1935]. Наибольшего внимания в статье польского лингвиста заслуживает сопоставление суффикса -шти < **-tj-i*, присоединяемого либо к именной словоформе, либо к форме наречия, т. е. а г г л ю т и н а т и в н о, с суффиксом **-tj-* в прилагательном домашьнии, также присоединяемым непосредственно к наречию, и далее с др.-инд. *-ty-* в *nítyas* 'внутренний' < *ní* 'предлог, выражающий направление вниз' [Ibid., 68–69] (ср. также *amā́tyā-* 'домочадец, близкий' < *amā́* 'дома', *apatya* 'потомок' < *apa* 'прочь, вниз' [Meillet 1934: 357; SPS, 4: 88; ESJS, 10: 570]). Думается, что эта этимология -щи может быть принята как наиболее вероятная.

Решительное несогласие как с концепцией А. Лескина, так и со взглядами А. Брюкнера и Я. Отрембского побудило Ю. Трыпучко выдвинуть собственную гипотезу о происхождении мультипликативных наречий, базирующуюся на принципиально иных основаниях: исходной для всех славянских наречий на *-жды*, -щи и под. он провозгласил форму на -щи, возводимую им не к **tji*, а к **kti* [Trypućko 1947: 72, 79, 81–88], а для выведения форм на *-шьды* < -щи был вынужден прибегнуть (как и справедливо раскритикованный им А. Лескин — для объяснения -щи < *-шьды*) к поистине акробатическим упражнениям, продемонстрировавшим пренебрежение материалом древнейших, и особенно восточнославянских, памятников. Слабые стороны концепции Ю. Трыпучко были подробно разобраны Э. Танглем в острой рецензии и в обстоятельном ответе на реплику Трыпучко [Tangl 1952; 1954]. Немецкому ученому, однако, не удалось устранить противоречия лескиновской гипотезы. Важнейший, по нашему мнению, вывод Э. Тангля состоит в следующем: «Schluß endlich mit dem Verfahren, eine Anzahl von Ladenhütern, die in den Wörterbüchern verzeichnet stehen, immer wieder aufs neue zu wenden! So kommen wir nicht weiter. Nur durch n e u e s M a t e r i a l, gewonnen in gründlicher philologischer Durcharbeitung der Texte, haben wir Aussicht, zu der genauen Kenntnis der graphischen Varianten zu gelangen, die wir als Ausgangspunkt für alle weiteren Schlüsse brauchen» («Пора покончить наконец с манерой всё время заново ворошить лежалый товар, зарегистрированный в словарях! Так мы никуда не продвинемся. Только с помощью н о в о г о м а т е р и а л а, приобретенного при основательной филологической обработке текстов, у нас есть шан-

сы прийти к точному знанию графических вариантов, которое необходимо нам как исходный пункт для всех последующих выводов») [Tangl 1952: 216] (разрядка автора). С этим выводом, сформулированным более 50 лет назад, нельзя не согласиться.

Практически незамеченным в лингвистической литературе остался еще один, совершенно новый путь решения проблемы, намеченный, как кажется, П. С. Кузнецовым [Борковский, Кузнецов 1963: 309]. Исследователь предположил (впрочем, не исключая видемановской трактовки, о которой речь шла выше), что *-шьды* представляет собой причастие «старославянского происхождения»[31]. Отсюда имплицитно следует, что Кузнецов, по-видимому, рассматривал исходное образование в качестве действительного причастия настоящего времени — поскольку лишь применительно к данной форме можно говорить о различиях между восточнославянскими и старославянскими причастиями.

Как известно, ИП ед. ч. действительных причастий наст. вр. от глаголов I лескиновского класса в старославянском имеет флексию -ъı, тогда как в древнерусском, а также старочешском — *-а*, ср. ст.-сл. нес'ъı, др.-рус. *мога*, ст.-чеш. *bera* [Соболевский 1907: 165; Дурново 1924: 94; van Wijk 1925: 279][32]. Обе формы обычно интерпретируются как праславянские диалектизмы, восходящие к одному и тому же индоевропейскому форманту *-*onts* [van Wijk 1925: 283; Lunt 2001: 229] (ср. [Соболевский 1889а: 9; Orr 2000: 174–183])[33]. Ввиду отмеченного регулярно-

[31] Дословно: «Из сочетаний числительных с частицей *-шьды*, в основе которой, возможно, лежит причастие *шьд-*, образовались наречия типа *дъвашьды*, *тришьды*... Эти образования, вероятно, старославянского происхождения, вследствие чего причастие и является в форме *шьды* (строго соответствующей этому в старославянском языке нет, если только здесь не представлен тв. п. мн. ч.). Именно поэтому (? — *В. К.*), вероятно, в некоторых памятниках форма содержит на конце *-и*, а не *-ы*...».

[32] Ст.-пол. форма *reca* = *rzeka* (см. [van Wijk 1925: 282; Ferrell 1967]) по мнению ряда исследователей является богемизмом (см. [Schenker 1986: 628–629]).

[33] Приходится констатировать, что относительно недавняя критика этой теории в статье [Aitzetmüller 1989] основывается — как, к сожалению, и другие поздние работы этого выдающегося ученого, в которых затрагиваются проблемы восточнославянской языковой истории [Aitzetmüller 1990; 1993], — главным образом на априорных представлениях, отражающих ограниченное, поверхностное знакомство с древнерусскими текстами и соответствующей научной литературой. Показательно, что единственным источником, по которому Р. Айцетмюллер судил о языке древнерусских грамот, служила скудная университетская хрестоматия («Studienbüchlein» — буквально «учебная книжечка», см. [Aitzetmüller 1989: 166]), а в подтверждение своего тезиса об автохтонности *-ы* в восточнославянских причастиях он привел форму *живыи* из Смоленской грамоты 1229 г. (или кто посль живыи ѡстанѣтьса), очевидно

го соответствия формы на *-шьды* действительно можно расценить как застывшие южнославянские образования part. praes. act., а встречающиеся в древнерусских текстах формы на *-шьда* — как восточнославянизмы. Выше уже говорилось, что наречия на *-жды* не представлены в украинском и почти не представлены в белорусском языке; соответствующие формы, хотя и отражены в старобелорусских памятниках (см. *двожды*, *колижды*, *многажды*, *многожды* [ГСБМ, 7: 283; 15: 206; 18: 87]), отсутствуют в староукраинских (см. [ССУМ; СУМ XVI–XVII]). Этот факт не должен вызывать недоумения именно в свете южнославянского происхождения форманта *-шьды*. В то же время формы на *-а*, наряду с многочисленными другими русизмами (см. [Menges 1935: 86]), в том числе причастиями на *-а*, типа *ида* УСт к. XII, 211 об.[34], *ѣда* 221 об., встречаются уже в списках Студийского устава, переведенного древнерусскими книжниками во второй половине XI в. [Пентковский 2001: 165–166]; с XV в. они наблюдаются также в летописях и деловых текстах (см. также *двоижда*, *многижда* в [ГСБМ, 7: 283; 18: 87]); в Сл XI–XVII суффикс *-жда* зарегистрирован главным образом в составе инновационных мультипликативных наречий, что свидетельствует о его распространенности в народно-разговорной речи: *однѣжда*, *неоднежда*, *сколькижда* (см. также [Unbegaun 1935: 450, 451]). В древнерусском книжно-письменном языке образования на *-шьда* существенно уступают по своей употребительности формам на *-шьды* (так, в УСт к. XII написания с конечным *-а* представлены тремя примерами, тогда как написания с *-ы* — 64 [35]); тем не менее они изредка проникают и в списки с южнославянских протографов. Полную аналогию этому состоянию обнаруживают причастия наст. вр. на *-а*; как показало исследование А. А. Гиппиуса [1990: 62], использование форм на *-а* в ряде древнейших восточнославянских рукописей «есть, безусловно, факт ассимиляции церковнославянской языковой нормой живой восточнославянской флексии, не зависимый от написаний южнославянских протографов: формы типа *неса*, *мога*, по-видимому, исконные для всей восточнославянской (и шире — севернославянской) территории, появлялись в древнерусских рукописях в соответствии с формами типа *несы*, *могы* их оригиналов». Следовательно, формы на *-шьда* выступают как во-

являющуюся не причастием от *жити*, а членной формой прилагательного *живъ* (ср.: или которы из нихо *жи(в)* останеть. Гр 1388 (1, ю.-р.) [СДРЯ, VI: 184]).

[34] В издании (с. 377) ошибочно и дѧ.

[35] В 77 случаях отмечены сокращенные написания без конечного гласного, типа *дъвашь(д)* 3 об., *два(ш)* 72, *триш(д)* 66, *три(ш)д* 254 об.

сточнославянские эквиваленты южнославянских образований с суффиксом *-шьды*.

Глагол, к парадигме которого относились причастия **šьdy / *šьda*, был, как уже упоминалось, реконструирован Ю. Трыпучко на основе реально существующих в славянских языках причастных форм прошедшего времени *шьдъ* и *шьлъ*: для инфинитива им была восстановлена праформа **xed-ti* > **šesti*, для настоящего времени — **šьd-ǫ*, **šьd-e-ši* [Trypućko 1947: 15]. Тем самым анализируемый глагол был правомерно введен в ряд глаголов I класса с чередованием (или, по терминологии К. Коха, «комплексной меной звуков» [Koch 1990: 231]) в основе, типа **brьdǫ / *bresti*, **žьgǫ / *žegti*, **-vьrzǫ / *-versti*, **-čьrpǫ / *-čerti*, **čьtǫ / *čisti*, **cvьtǫ / *cvisti* (см. [Vaillant 1966: 148, 149, 151, 168, 176; Koch 1990: 293, 312, 347–348, 586]). Основу **xed-/*xьd-* естественно рассматривать как производящую для итератива *ходити* и девербатива оушидь 'беглец' (ср. [Iljinskij 1913: 13–14; Diels 1932: 94; Vaillant 1966: 411])[36]. На фоне широкой синонимии глаголов движения, сохранявшейся еще на ранних этапах славянской письменной истории (см. [Филин 1949: 194]), сосуществование праславянской лексемы **šesti* с **iti*, так же как и позднейшая (хотя и дописьменная) контаминация их парадигм (**iti*, **jьdǫ* — **šьdъ*, **šьdlъ*), не вызывает удивления (ср. контаминацию — правда, однокоренных — **běgti* и **běžati*).

На фоне форм *-шьды / -шьда*, отождествляемых с презентными причастиями, формант *-шьдъ*, зафиксированный в берестяной грамоте № 752 и более поздних русско-церковнославянских текстах, предстает как регулярное действительное причастие прош. вр. (*шьдъ*). Образования типа *тришьдъ* отражают не только способность разных форм активных причастий от глагола **šesti* сочетаться с количественными именами в мультипликативном значении, но и — благодаря возможности варьирования временны́х форм причастия — исходное восприятие двух частей будущего наречия как автономных словоформ. Вместе с тем у нас нет уверенности в том, являются ли образования на *-шьдъ* столь же древними, как и существенно более распространенные формы на *-шьды* и *-шьда*; не исключено, что они представляли собой разговорную модификацию наречий на *-шьды / -шьда*,— модификацию, основанную на замене уже утраченного в свободном употреблении причастия наст. вр. обычным причастием прош. вр. *шьдъ*.

[36] Существительное при-шьсть 'приход, пришествие' [SJS, III: 330] < **šьd-tь* так же соотносится с **šesti* (**xed-tei*), **šьd-ǫ*, как *чьсть* (**čьt-tь*) — с *чисти* (**keit-tei*), *чьту*.

Конструкции, послужившие основой мультипликативов типа *тришьды / тришьда, тришьдъ*, представляли собой, как мы полагаем, сочетания причастия с обстоятельственным винительным (*дъва, три*) и с наречиями (*коли, ели*), выражавшие значение 'три <раза>, сколько <раз>... ступая, идя / ступив, пройдя' [37]. Использование ВП счетных имен в мультипликативном значении документируется рядом примеров, ср.: кланѧѭщюсѧ *три десѧти* ПС к. XI, 129 об. [Крысько 1997: 66; 2006: 73]; и по покланѧнии бывъши ектении. глю(т). г҃и помил ·г҃· по семь поминаѥть(с) игоуме(н) и бра(т)ю. и глю(т). г҃и поми(л) ·в҃і· УСт к. XII, 15; оударѧющю въ било ·г҃· събирають(с) вьси въ цр(к)вь. 21 об. (ср.: оударѧѥмоу въ било *тришды*. събираютьсѧ вси на трѧпезницю. 202 об.); да мыють же (с) ·в҃· м(с)цьмь. 243; и рече г҃и помилоуи ·г҃· и створи мл҃твоу СбТр XII/XIII, 33; Аще калоугеръ. потечеть по звѣрі. да поклоніть сѧ ·р҃· 52; прѣкрьсти ѥмоу невидѧщеѥ око ·г҃· и абиѥ прозьрѣ СбУ XII/XIII, 151б (то же — ЖЕК XIII, 48в; в греч. τρίτον); Коли хотѧче млт(в)у творити болному преже гл(л)и тр(с)тоѥ та(ж) ст҃ыи б҃е. пр(с)таѩ тр҃це оч҃е нашь. г҃и помилоуи ·в҃і· КН 1285–1291, 524а (Вопрошание Кирика); дважды ѩхомъ и г҃· пихомъ водоу ПНЧ к. XIV, 123г (слово 43: δεύτερον βεβρώκαμεν καὶ τρίτον νῦν ἐπίομεν ὕδωρ) [38]; рѣша же *три десѧте* 'тридцать раз', рѣша пакы к҃· 'двадцать раз' в Житии Сильвестра по списку Сборника XVI (?) в. РГБ, Унд. 1280, л. 5 (см. [Соболевский 1913: 387; 2006: 374]).

Однако далеко не во всех мультипликативных наречиях на *-шьд-*, образованных от имен, первая часть может быть напрямую сопоставлена с какой-либо падежной формой. По сравнению с *дъва-, три-, четыри-*, без труда идентифицируемыми как ВП, уже компонент *мъногa-* требует комментария. По всей видимости, он восходит к ВП мн. ч. сред. рода *мъногa* в субстантивированном и адвербиализованном употреблении, ср.: он же... *многа* претерпѣвъ на конець в пещь вьверженъ бы(с) сконьча(с). Пр 1383, 111в; Не *многа* же ли и началниці ап(с)ли по смотре(н)ю творѧху. преступающе заповѣди. (οὐ πολλά) ЖВИ XIV–XV, 111а.

[37] Употребление причастий для образования мультипликативных конструкций, возможно, находит типологическое подтверждение в др.-инд. *kṛ́tvaḥ* 'раз', если интерпретировать его как форму, родственную *kṛtvā* — деепричастию со значением 'сделав' от глагола *kṛṇóti* [Macdonnell: 73] (ср. [Wackernagel, Debrunner 1954/1987: 808]). Однако соответствующая трактовка лат. *-iens* в *quinquiens, sexiens* и т. п. как part. praes. act. от глагола *ire* 'идти' [Stowasser 1888: 136] (ср. уже [DEL: 399]) признана ошибочной [Thurneysen 1888: 575] (ср. [Delbrück 1893: 628]).

[38] ПНЧ XIV_1, 47б передает этот контекст в несколько иной редакции, с уже упоминавшейся формой *тришедъ*: въторою ѣхомъ. и *тришедъ* и пихомъ водоу.

Такое употребление плюральной формы сред. рода, однако, едва ли было характерно для живой славянской речи и, вероятно, калькировало греческую форму πολλά 'много; часто'. В свою очередь, наречие *мъногашьды*, постоянно фигурирующее в церковно-книжных источниках в соответствии с греч. πολλάκις, но знаменательным образом, в отличие от ряда других мультипликативов на *-жды*, отсутствующее в современных литературных языках и в говорах (см. [ЭССЯ, 20: 229]), также может быть истолковано как частичная калька, ориентированная в своей первой части на греч. πολλά-.

К адвербиализованной форме ТП мн. ч. **о*-склонения на *-ы* естественно возвести первый компонент наречия *мъногышьды*[39], ср., с одной стороны, образования *малы*, *тихы* и под. [Otrębski 1935: 73; Чурмаева 1989: 104–105], с другой — наречие *тьмами*: И не разоумѣ ꙗко очи гн҃и *тьмами* ѥсте свѣтьлѣише сл҃нцѧ. Изб 1076, 172 об. (μυριοπλασίως букв. 'в десять тысяч раз').

Существенно сложнее обстоит дело с производными от числительных 5–10 и 100. В частности, едва ли приемлема гипотеза Э. Тангля, отделившего *сътишьды*, как аналогическое новообразование, от наречий *шестишьды* и т. д., которые якобы демонстрируют в качестве первого элемента старую форму ВП мн. ч. адъективно употреблявшихся числительных *шесть* и т. д. [Tangl 1954: 139–140]. Разграничивая реально засвидетельствованные — причем практически одновременно — однотипные формы на *-ишьды*, данная гипотеза в то же время оперирует чисто умозрительными построениями: мн. ч. числительных 5–10, типа *три десѧте* (ГрБ № 686, вт. пол. XII в.) и *три девѧти* (КЕ XII, 242 об.), возможно только в сочетании с другими числительными, а адъективное функционирование соответствующих плюральных образований может быть проиллюстрировано лишь явно искусственными членными формами, передающими греческий артикль при числительных [Diels 1932: 218–219; ИГДРЯ IV: 142].

Лежащая, казалось бы, на поверхности трактовка первой части наречий *пѧтишьды* и под. как количественного родительного [Крысько 2000б: 139], хотя и опирается на адвербиализованное использование формы РП *двою* в значении 'дважды' [Сл XI–XVII, 4: 195; Соболевский 1913: 387; 2006: 374], не учитывает относительно поздней фиксации такого употребления и оставляет необъясненным отсутствие парал-

[39] Ср. также рѣдъкыѭ(д)и в сербском списке со среднеболгарского протографа — ИЭШ 1263, 226г (в русском списке — *рѣдкашды*, по типу *многашды*).

лельных мультипликативных образований с РП от других числительных, типа **дъвоюшьды* / **дъвоушьды*, **триишьды*[40], **съташьды*. Правда, отмеченное И. И. Срезневским [Срезн., III: 1514] в тексте 1276 г. по списку Кормчей XVI в. (РНБ, F. II. 80, л. 597) написание *Четыржды* как будто можно было бы вывести из РП *четыръ* (или *четырь*), однако эта форма вызывает сомнения, так как, если бы она действительно содержала генитив на *-ъ/-ь*, к концу XIII в. редуцированный должен был бы вокализоваться. К генитивной флексии *-ь* с бóльшим основанием можно было бы возвести *-е* в формах *четырешди* и *четыреж(д)ы*, зарегистрированных Срезневским по рукописям XV–XVI вв., однако в этот период *четыре* уже вполне можно расценивать и как обобщенную номинативно-аккузативную форму, заменившую прежний ВП *четыри* [ИГДРЯ IV: 238–239]. Наконец, формально допустимое генитивное истолкование элемента *мънога-* в *мъногашьды* наталкивается на полное отсутствие примеров, которые подтверждали бы функционирование РП прилагательных в количественном значении.

Думается, что наречия на *-ишьды*, образованные от числительных свыше 4, следует рассматривать как аналогические. Только такая интерпретация применима к *сътишьды* (см. [Tangl 1954: 139]). Эта форма представлена, насколько нам известно, исключительно в восточнославянских памятниках — в ЕвМст до 1117, ЕвЮ 1119–1128, 133б, Ев 1355, 92в и ЕвХ к. XIII, 100 (ἑκατονταπλασίονα Мр 10.30, в соответствии с съторицеѭ в Мар, Зогр, см. [Вост., 2: 216; Срезн., III: 844; SJS, IV: 353; Mikl.: 959]), а также в УСт к. XII, 263 (*по сътишьды* [Чурмаева 1989: 78]) и, в сокращенном виде, в Поучении Владимира Мономаха (перв. четв. XII в., сп. 1377 г.): а и-Щерьнигова до Кыева. не *стишь* <в изд. нестишь> ѣзди(х) ко ѡц҃ю. днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. а всѣ(х) путии ·п҃· и ·г҃· велики(х). а прока не испомню менши(х). ЛЛ 1377, 82 об. (из *нѣ сътишьды* [*-шьда*?] 'около ста раз', см. [Соболевский 1900а: 2; 2006: 217]). Примечательно при этом, что более древняя форма съторицеѭ также образована аналогическим путем — не посредством суффикса -ицеѭ от основы съ т- (как, например, седмицеѭ или мъножицеѭ) и не от несуществующего собирательного **съторо*, а с помощью вторичного суффикса -орицеѭ, вычлененного вследствие переразложения из форм четвор-ицеѭ, седмор-ицеѭ (дериваты от соби-

[40] Уже упомииавшаяся форма *триичи* (*триичи* КР 1284, 41б, *триїчи* 48б, *триичи* 353в; см. также [Срезн., III: 997]) не имеет непосредственного отношеиия к формам на *-шьды* и, возможно, образована от основы *триj-*, вычлененной из формы ИП муж. рода *трие*.

рательных числительных) и вътор-ицеѭ (дериват от порядкового числительного) (материал см. [Diels 1932: 220–221]). Данный случай показывает, что образование мультипликативов уже в древнейший период славянской письменной истории подчинялось действию аналогии, связанной с переосмыслением морфемной структуры исходных форм.

Наречия от *пѧтишьды* до *десѧтишьды*, как и *сътишьды*, отсутствуют в корпусе канонических старославянских источников, хотя и фигурируют уже в древнейших (XI–XII вв.) восточнославянских рукописях, а в XIII–XVI вв. отмечаются в среднеболгарских и сербских памятниках (ср. [Mikl.: 158, 835, 1132 s. v. девѧтижди, седмиждъı, шестиждъı]). Эта, относительно поздняя, фиксация анализируемых лексем служит, на наш взгляд, дополнительным свидетельством их вторичности. На фоне образований с первой частью, содержащей застывший аккузатив, полное отсутствие форм **пѧтьшьды*, **шестьшьды*, **седмьшьды* отражает, скорее всего, тот факт, что в период возникновения мультипликативов на *-шьды* круг мотивирующих словосочетаний ограничивался конструкциями с ВП *дъва*, *три* и, вероятно, *четыри*. Такое ограничение в принципе соответствует дифференциации мультипликативов в индоевропейском, для которого реконструируются, с одной стороны, формы с суффиксом **-s* от слов 2–4 — **dwi-s* 'дважды', **tri-s* 'трижды', **k^{w}etwṛ-s* 'четырежды', с другой — конструкции типа 5, 6… + лексема 'раз' [Campanile 1994: 3].

Наличие исходного ядра — *дъва*, *три*, *четыри* + причастие *шьды* — не исключало замены числительных наречиями со значениями 'сколько', 'столько', 'много', что и привело к появлению известных по памятникам XI–XII вв. форм *колишьды*, *ѥлишьды*, *толишьды*, а также полукалькированного *мъногашьды* и *мъногышьды*. В результате большинство среди форм на *-шьды* стали составлять лексемы с *-и-* перед *-шьды*, ср. *тришьды*, *четыришьды*, *колишьды*, *ѥлишьды*, *толишьды* vs. *дъвашьды*, *мъногашьды*. Универбация этих форм из словосочетаний в наречия повлекла за собой их переразложение с вычленением суффикса *-ишьды*, что, как можно предположить, и создало почву для образования наречий типа *пѧтишьды*, *сътишьды*, представляющих собой — в отличие от исходной группы мультипликативов на *-шьды* — не сращения именных форм или наречий с причастием, а суффиксальные дериваты от основ соответствующих числительных (*пѧт-*, *сът-* и т. п.).

В то же время рассматриваемые мультипликативы, очевидно, еще долгое время могли сохранять известную расчлененность обеих своих

частей. С одной стороны, отражением определенной автономности первого компонента является возможность присоединения к наречию, а точнее — к его именной части, предлога: нѣ *до пѧтишьды* ПС к. XI, 50 об.; *по пѧтишды* УСт к. XII, 23 об.; *по три(ш)* 50 об.; *до седмижды* МПр XIV_2, 48 об. С другой стороны, реликтом восприятия форманта *-шьды* / *-шьдъ* как причастной словоформы и соотнесения его с глагольной основой *-шьд-* являются, возможно, случаи — впрочем, явно вторичные — присоединения к нему конечного элемента *-и*, который допустимо интерпретировать как формант, превращающий нечленную форму причастия в членную (ср. *вшедъи* ГА XIV_1, 173б): в Паренесисе Ефрема Сирина по списку 1269–1289 гг. — *двашедыи* Пар., III, 14; *до семишеды* 128; *ѥлишеды* IV, 260 (все эти примеры, думается, отражают преобразование формы с конечным -ъ, перед которым и произошла вокализация [ь], — т. е. замену -ъ на более обычное *-ы* и далее, в первом случае, на гиперкорректное *-ыи*), в ЛЛ 1377, 156 об. — *дваждыи* и *триждыи*, в ПНЧ к. XIV, 42б — *двашьдыи* [СДРЯ, III: 111][41].

Косвенным свидетельством морфологического тождества элемента *-шьды* (*-шьда*, *-шьдъ*) и причастий служит, как мы полагаем, общее своеобразное развитие этих форм — возможность весьма ранней утраты последнего слога, демонстрируемая для причастий такими написаниями, как *пришъ* ГрБ № 821 (3 четв. XII в.), *пришь* 675 (сер. XII в.), *пришь* СбУ XII/XIII, 26г (Житие Феодосия Печерского) [Янин, Зализняк 1999: 7–8; Зализняк 2004: 144–145], а для наречий — уже упоминавшейся формой *стишь* 'сто раз' у Владимира Мономаха, а также примерами из русских диалектов и южнославянских языков, ср. *однаж* [Даль, II: 1675], сербохорв. *jednoš*, *dvaš*, *triš*, *dvadesetiš*, *trož* и др., болг. *дваш*, *триш*, *инош*, *еднаж*, *дваж*, *триж* [Trypućko 1947: 44, 50, 51][42].

---

[41] Не исключено, что такая же искусственная членная форма имеет место и в контексте из ПНЧ XIV_1, 47б (см. примеч. 38), если допустить в нем несколько иное словоделение: *тришедъи* пихомъ водоу.

[42] По мнению Ю. Трыпучко, в сербохорватских формах *-š* < *-št* < *-šti*, тогда как *-ž* < *-ždi* < *-šdi* [Trypućko 1947: 46, 47]; Э. Тангль уточняет эту реконструкцию, видя в *trož* рефлекс *trišьdy* и выводя, вслед за Лескином, *-šti* из *-šьdi* [Tangl 1954: 132, 137]. Этимологически отделяя *-шти* от *-шьды*, мы не можем согласиться с приписыванием сербохорватским говорам форманта *-šti*, очевидно демонстрирующего болгарскую огласовку. Образования на -щи известны сербским памятникам (см. материал у [Trypućko 1947: 43–44], а также дъващи, трищи, седмищи, мъногащи, колищи в Вукановом евангелии 1196–1202 гг. [Врана 1967: 77, 96, 92, 84, 81] и 24 формы на -щи в сербском списке ПНЧ XIII: дващи, трищи, многащи, многыщи, многоущи, многꙋщи), однако они несомненно представляют собой особенность церковнославянского язы-

Условиями редукции во всех этих случаях являются, во-первых, энклиноменный статус второго элемента (см. [Зализняк 1985: 326]), во-вторых, неизменяемость его формы (см. [Зализняк 2004: 134, 184–185]), т. е. утрата причастием категорий рода, числа и падежа и превращение его либо в деепричастие, либо в суффикс наречия (ср. *тришьдъ* — а не **тришьдъши* — в ГрБ № 752, написанной женщиной).

Итак, формы типа *тришьды*, *тришьда*, *тришьдъ* получают объяснение в качестве застывших причастно-именных словосочетаний. Универбация этих словосочетаний привела к превращению глагольных форм в аффиксы.

Нельзя не заметить, что в сформулированную концепцию как будто не вписываются зафиксированные уже в XI в. образования на *-шьдоу* и *-шьди*. Однако, на наш взгляд, и здесь возможна достаточно непротиворечивая интерпретация.

Помимо форм типа *несы* и *неса*, русско-церковнославянские рукописи XI в. демонстрируют еще одну причастную флексию, которая выступает по преимуществу в членных формах, но спорадически наблюдается и в нечленных. Речь идет об образованиях типа *сѫ* ГБ XI, 111а, *сѫи* 70а, *живѫи* ПсЧ XI, 9б, *словѫи* 97в [Дурново 1924: 94]. Соответствующие формы — правда, только членные — зафиксированы в глаголических старославянских текстах: сѫи Мар, Асс, Охр, Евх, живѫи Мар, Син (bis), грѧдѫи Асс, Охр, Син, стрѣгѫі Син [Diels 1932: 233] (см. также [Koch 1990: 592]). Рассмотрение вопроса о генезисе славянских причастных форм ИП не входит в задачи настоящей работы; укажем лишь, что чаще всего возникновение причастий на -ѫ трактуется как вторичный процесс (см. [Щепкин 1901: 89–90; Torbiörnsson 1922: 214; 1923: 122; Kurz 1930–1931: 483–485; Мирчев 1978: 237; Ferrell 1971: 89; Koch 1990: 557–559] и др.), хотя с формальной точки зрения окончание *-ǫ* может быть интерпретировано и как закономерное продолжение праславянской формы Nom. sg. neut. part. praes. act. **-ont*, претер-

---

ка сербской редакции — вероятно, в определенной степени усвоенную народной речью (как и церковнославянские формы на *-шьды*, которые вошли в русский язык, вытеснив *-шьда*). Автохтонными формами, отражающими исконное *-шьды* (позднее перешедшее, в связи с утратой фонемы <ы>, в *-шьди*), являются, видимо, только образования на *-ш* и *-ж*, которые возникли в результате разновременного по отдельным говорам отпадения конечного слога: первые (как и др.-рус. *сътишь*) — еще до падения редуцированных и развития ассимилятивных процессов, вторые — после изменения *-шьди* > *-шди* > *-жди* (см. многочисленные примеры на -жди — мъногажди, трижди, шестижди, колижди, клижди, рѣдъкыжди — в сербском списке ИЭШ 1263).

певшей родовое обобщение[43]. Дальнейшая судьба этих образований на восточнославянской почве была прослежена в неопубликованном, к сожалению, до сих пор докладе А. А. Гиппиуса на Фортунатовских чтениях 1998 г. в МГУ («"Сакральная грамматика" Преславской книжной школы»)[44], где был приведен материал, свидетельствующий о том, что юсовые формы, которые несомненно присутствовали в древнеболгарских протографах[45], в древнерусских списках могли не только воспроизводиться с ѫ, но и заменяться написаниями с оу (например, *всемогоуи* в Учительном евангелии Константина Преславского по списку вт. пол. XII в., ГИМ, Син. 262, а также *сѹи*, *словѹи* в ПсЧ XI [Lépissier 1968: 103]; ср. [Reinhart 1990: 199–200]). В ряду форм на -ѫ изначально, вероятно, фигурировала — в составе мультипликатива — и форма -шьдѫ, которая также передавалась древнерусскими писцами посредством -оу; примечательно, что написание *тришьдоу* встречается в ЕвА 1092 во второй части, писец которой, как установила М. А. Соколова [1930: 89], никогда не употреблял знака ѫ в евангельском тексте, регулярно заменяя его на оу.

Что же касается форманта *-шьди*, то в данном случае, по нашему мнению, следует mutatis mutandis принять тезис А. Брюкнера [Brückner 1914: 23] о контаминированном характере ст.-сл. -шди, образовавшегося путем «skrzyżowania» («скрещения», т. е. контаминации) форм на «*-žьdy*» (на самом деле, разумеется, -шьдъі) и форм с наречным суффиксом -шти. Вторичность суффикса -шди, возникшего, очевидно, только после падения редуцированных в болгарском ареале, подтверждается тем фактом, что из 22 его древнейших фиксаций в старославянской письменности (точнее, в Супр) ни в одном написании нет ь (см. [Trypućko 1947: 22–23]): тем самым 15 примеров на -шди могут быть истолкованы как гибридные формы, восходящие к -шти, но с заменой т на д под влиянием этимологически более прозрачного -шьдъі, а семь форм с паерком (-шдѷи) — скорее как компромиссные написания, отражающие осознание писцом невозможности консонантной группы [шд], нежели

[43] Некоторые исследователи [Георгиев 1969: 149, 151, 155–156; Orr 2000: 180–183] считают, что *-ǫ* является закономерным рефлексом не только **-ont* (сред. рода), но и **-onts* (муж. рода), а формы на *-ы* (Р. Орр — также и формы на *-а*) рассматривают как новообразование.

[44] Выражаем признательность автору за предоставление компьютерной версии доклада.

[45] Ср.: «Окончанието -ѫ (тип блюдѫ) в тия причастия е старинно» [Георгиев 1969: 144].

как запоздалое воспоминание об исконном редуцированном в -шьдъı[46]. Другим примером контаминации двух суффиксов может, по-видимому, служить отмеченное в утраченной ныне Слуцкой псалтыри XI в. написание *Седьмищ^{ь}ди* (см. [Срезневский 1868: 164; Trypućko 1947: 20, 23]), демонстрирующее вставку -д-, а затем и выносного -ь- в суффикс -щи[47] (если, конечно, речь здесь не идет о неверном чтении издателя, об опечатке в издании[48] либо, наконец, о смешении писцом графем ш и щ).

То обстоятельство, что суффикс -щи (имеющий праславянские истоки) засвидетельствован и в глаголических (Асс, Евх, Клоц), и в кириллических (Сав, Супр, Зогр-лл)[49] старославянских текстах, тогда как употребление суффиксов -шьдъı, -шди, -ш̑ди ограничено двумя кириллическими памятниками центрально- или восточноболгарского происхождения (Сав и Супр, см. [Lunt 2001: 8, 9]), позволяет высказать предположение о первоначально диалектном статусе -шьдъı, который ощущался писцами Супр, именно поэтому приспосабливавшими форму своей живой речи к более «каноническому» образованию. В этой связи привлекает внимание мнение Т. Славовой [1989: 118], с большой долей вероятности отнесшей суффикс «-шьди (-шьдъı, -щи, -жди)» к числу словообразовательных средств, предпочтительно использовавшихся преславскими книжниками (в соответствии с более ранними формами на -ицєѭ и -кратъı, см. [Там же: 42, 65, 75–76, 96–97, 110][50]). К сожалению, в общих сведениях, приводимых исследовательницей на материале большого количества славянских памятников, наречия на -шти и -шьдъı не разграничиваются; однако в цитатах из текстов преславской редакции формы на -шьдъı безусловно преобладают.

---

[46] Ср.: «Co się zaś tyczy pisowni *-š'di* to jest to zapewne kompromis między faktami pisma, znalezionemi w dawniejszych rękopisach, z faktami żywej mowy kopistów» («Что же касается написания *-š'di*, то оно, вероятно, представляет собой компромисс между фактами письма, обнаруженными в древнейших рукописях, с фактами живой речи переписчиков») [Otrębski 1935: 71].

[47] Ср.: «asi kontaminací *-šti* a *-šьdy*» («вероятно, контаминация *-šti* и *-šьdy*») [ESJS, 5: 282].

[48] О сложной истории издания текста см. [Тот 1997: 5–10]. Ср. трехкратную опечатку: д̑ващди (bis), дващди вм. д̑вашди, двашди — в статье дъвашьди в [СБР, I: 450].

[49] Заметим, что, согласно классификации Р. М. Цейтлин [1977: 290], «по нормам словоупотребления» указанные рукописи распределяются иначе: Асс и Сав относятся к той же группе, что и Зогр и Мар, а Супр и Евх составляют центр второй группы, к которой примыкают также Зогр-лл; Клоц занимает промежуточное положение.

[50] Ср.: Мр. 9, 22 множицєѭ Зогр, Мар, Асс — мн̑огащи Сав — мъногашьдъı Остр [SJS, II: 238].

Таким образом, применительно к старославянскому материалу кажется резонным говорить о двух суффиксах мультипликативных наречий: более архаичном, праславянском по своему происхождению -шти (в древнеболгарской огласовке) и диалектизме -шьдъі, — рассматривая при этом -шди и -шдѝ как гибридные орфографические варианты.

Древнерусские книжники, встречая в переписывавшихся ими болгарских текстах образования на -щи, -шьдъі и -шди, явно предпочитали вариант с более ясной внутренней формой — -шьдъі[51], имевший соответствие в восточнославянском *-шьда*, и модифицировали форму -шди, регулярно вставляя в нее, в соответствии с живым произношением корня *-шьд-* до падения редуцированных, гласный *ь*.

Разумеется, проанализированные нами образования отнюдь не исчерпывают всего многообразия восточнославянских мультипликативов. Помимо книжных форм на *-ицею*, *-краты* и под., *-кратицею* (ср. *десѧтократицею* в СбТр XII/XIII, 12 об., 16 об.), *-кратию* (*дъвократию* КЕ XII, 180 об.), фигурирующих в основном в церковно-книжных источниках южнославянского происхождения, оригинальные и переводные древнерусские тексты демонстрируют также мотивированные собирательными числительными наречия на *-ици* (*дъвоици* УСт к. XII — более 250 употреблений; РПр 1285–1291, 619г), *-ицю* (*дъвоицю* УСт к. XII, 108 и др.; РПрМус XIV_2, 10), *-ича* (*двоича* ЛИ ок. 1425, 155 об.), *-ичѣ* (*двоичѣ* Там же, 82 об.), *-ичи/-ичь* (*троичь* Там же, 14, *по троичи* 284); вряд ли можно отрицать и наличие в восточнославянской речи формы *одиною* (см. [СДРЯ, VI: 84]). А. И. Соболевский [1913: 385–387; 2006: 373–374] обратил внимание на еще одно любопытное образование с суффиксом *-ия* (vs. *-ию*), засвидетельствованное уже в послании Владимира Мономаха к Олегу Святославичу (*десѧтьꙗ* ЛЛ 1377, 84), а также в КР 1284 (*седмиꙗ*, *шестиꙗ*), в Житии Сильвестра по списку Сборника XIV в. РНБ, Пог. 71б, л. 56б–в (*десѧтьꙗ*, *дванадесѧтьꙗꙗ* <так!>, *двадесѧтьꙗꙗ*) и по списку РГБ, Унд. 1280, 5 (*десѧ(т)ꙗ*)[52] и нередко встречающееся в среднерусских источниках (*десятіа*, *шестіа*, *трицатія*, *девятіа*, *осмьдесятіа*, *пятіа*, до *5-я*; *шестьа*, *асмнатцатья* [Unbegaun 1935: 452]; см. также статьи **пятья**; **седмью**, **седмья**; **семью**, **семья** в

[51] Разночтения, приведенные в издании ПНЧ XIII, демонстрируют регулярное соответствие: -щи в древнейшем южнославянском (сербском) списке XIII в. — *-шьды/-шды* в древнейшем восточнославянском списке конца XII или начала XIII в., *-жды* в восточнославянских списках 1296 г. и конца XIV в.

[52] Списки Жития Сильвестра просмотрены по нашей просьбе Р. Н. Кривко и Е. А. Осокиной.

Сл XI–XVII). Учитывая соотнесенность указанных форм с числительными *i-склонения, трудно согласиться с Соболевским [1913: 387, 388; 2006: 374, 375], квалифицировавшим их как архаичный МП и отделявшим их от форм *одиноя* (ЛЛ 1377, 129 об., под 1177 г.), *единоя* (см. [СДРЯ, III: 197]). Особого внимания заслуживает приписка к недавно обнаруженному Новгородскому кодексу начала XI в., которую А. А. Зализняк расшифровывает следующим образом: поите поите по *в раза* славите ба [Зализняк, Янин 2001: 21]. Если «следы» [Там же] этой формулы прочитаны верно, то мы имеем здесь дело с уникальным употреблением слова *разъ*, на семьсот лет предшествующим его первой лексикографической фиксации на русском материале (Шерем., 1589. XVIII в. ~ 1699 г. [Сл XI–XVII, 21: 134])[53]; в таком случае современный способ выражения мультипликативности существовал уже в древнейший период русской языковой истории. В целом очевидно, что история славянских мультипликативов требует основательного, комплексного исследования.

[53] Более ранние примеры (конца XIV и конца XV в.) зафиксированы в староукраинских грамотах, отражающих польское языковое влияние (см. [ССУМ, 2: 288]), ср. пол. *raz*. В. Г. Демьянов любезно сообщил нам об употреблении слова *разъ* в Вестях-Курантах 1669 г., которые сейчас готовятся к изданию.